

Парижская «тетя Вера»

Кэтлин Бертон

Подчас бывает: какое-либо исследование, вроде бы и не обещающее особых находок, волей случая способно обернуться открывательством. Ко мне это пришло по ходу работы над книгой-альбомом, посвященном истории здания британского посольства в Москве, — в связи с исполненным в 1993 году его столетием.

Получилось так, что книгу о посольском особняке на Софийской набережной мы задумали вместе с нашим фотографом Джоном Фрименом — великолепным мастером цветной художественной фотографии. Посол Родрик Брейтвейт, которого увлекла идея создания книги, своими стараниями содействовал получению средств, достаточных для покрытия издательских расходов. Джулиан Брейтвейт, его жена, помогла практическими советами. Джон дал свои фотографии. А я — я взялась писать о доме, о его прошлом, о той жизни, что его наполняла.

В истории здания посольства и семьи Харитоненко, владевшей этим домом до революции, главные факты были достаточно известны, и не представляло сложности связать их в последовательный рассказ. Но в книгу, выпускавшуюся в целях официальных, представительских, вошло не все, и интереснейшая линия сведений, связанных с семьей Ха-

ритоненко, осталась у автора, что называется, «на руках».

Дело же было в том, что несколькими годами ранее, когда я еще не помышляла об альбоме, некая французская пара посетила британское посольство. Они сослались на свое отдаленное родство с прежними владельцами особняка. Мне запомнилось, что речь шла о какой-то тете Вере, жившей в Па-

риже, которая состояла в прямых родственных отношениях с семьей Харитоненко. Номер их телефона у меня сохранился, и, приступив к работе над книгой, а жила я тогда в Лондоне, я позвонила в Париж и была рада, что мне ответили, предложив позвонить тете Вере как можно скорее. Она была в преклонных годах, здоровье могло пошатнуться в любую минуту. Но она —

Особняк Харитоненко. Столовая

единственная пока еще здравствующая внучка Павла Ивановича Харитоненко, построившего особняк на Софийской набережной. Я набрала ее номер, еще не веря, что вызову интерес, и получила разрешение посетить ее.

Хорошо помню свое беспокойство, когда подходила к квартире Веры Петровны в южной части Парижа. Не покажутся ли ей бестактными мои вопросы? Не надоели ли ей расспросы о доме посольства Великобритании, который когда-то был домом ее предков?

Девяностолетняя Вера Петровна приняла меня истинно по-королевски в своей приятной квартире с высокими потолками и старинной мебелью. Она оказалась довольно бойкой женщиной небольшого роста, с проникающим внутрь взглядом голубых глаз и, к моему удивлению, превосходной памятью. Красноречиво она принялась описывать на отличном английском, которому научилась, будучи еще ребенком, от своей английской няни, историю своего рода. Постепенно передо мной стала вырисовываться картина жизни семьи Харитоненко. Она отличалась от той, которая сложилась в моих мыслях.

О самом Харитоненко, как и о последующей истории особняка, известно не одному поколению британских дипломатов. А вот организация, у которой дипломаты арендуют свои прекрасные особняки, Управление по обслуживанию дипломатического корпуса, не всегда и не все знает об их бывлых владельцах. Эти особняки приводят в восторг каждого нового посла — разумеется, и наше неповторимое здание, построенное

Вид на Кремль из особняка

российским купцом для своей семьи. Что говорить, мы полагаем, что Павел Иванович Харитоненко был просто разбогатевшим сахарозаводчиком, из той породы людей, которых называют нуворишами. Но чем дальше Вера Петровна рассказывала, тем больше рассеивались первоначальные предположения.

Оказывается, уже основатель знаменитой фирмы, Иван Герасимович, отец Павла, стоял высоко в социальном положении, был пожалован дворянским званием и чином действительного статского советника за свою обширную благотвори-

тельную деятельность. Сам Павел Иванович был женат на представительнице старинного дворянского рода Бакшеевых, имевшего корни в глубинах русской истории. Моя новая знакомая, тетя Вера, с особой охотой рассказывала, как занималась благотворительностью ее замечательная бабушка, Вера Андреевна, в тех местах, близ города Сумы на Украине, где находилось принадлежавшее их роду имение.

В разговоре с Верой Петровной то и дело появлялись известные имена, которые обогащали образ самого Харитоненко. Выяснилось, что художник Михаил Нестеров

был близким другом семьи, выполнил роспись церкви Троицы в Сумах, построенной на средства Павла Ивановича, а Алексей Щусев, увлекшийся постройками в новорусском стиле, возвел церковь в фамильном имении Наталиевке. Приятным открытием было для меня и то, что с Павлом Ивановичем охотно сотрудничал и водил дружбу Федор Шехтель, знаменитый архитектор тех лет. Он украсил интерьеры дома на Софийской набережной: это одна из самых прекрасных его работ.

Когда произошла революция, Вере Петровне было семнадцать лет. Сам Павел Иванович умер в 1914 году. В ноябре семнадцатого в городе шли бои, на крыше соседнего дома стоял пулемет, бывший по Кремлю, а однажды утром во дворе нашли убитым домового дворника. Всем было велено не выходить на улицу. Как раз в один из таких тревожных дней, в разгар стрельбы, неожиданно появляется Вера Андреевна — она, оказалось, услышав про события в Москве, поездом приехала из Сум. И это в такое время, когда добраться даже от Киевского вокзала до нашего дома было небезопасно.

Почтенная моя собеседница поведала мне более детально об увлечениях семьи: бильярде и игровых партиях, проводимых у них в доме, о чем рассказывается в дневнике Ильи Остроухова и воспоминаниях Нестерова, ну и, конечно, в книге английского резидента Локкарта о его пребывании в России. В особняке устраивались великолепные вечера, приглашался цвет аристократии, театрального, художественного мира.

Между тем не только я находила новые факты о Ха-

ритоненко. На выставке картин Валентина Серова в Третьяковской галерее Брейтвейты, к полной своей неожиданности, встретили превосходный портрет Павла Ивановича Харитоненко. Видимо, когда-то он принадлежал особняку на набережной. Тайна пряталась глубоко. И хотя Третьяковская галерея в прошлом редко упоминала прежних владельцев художественных коллекций, конфискованных после 1917 года, в одной из книг я обнаружила строку, сообщавшую, что частная коллекция П. И. и В. А. Харитоненко (всегда упоминавшихся вместе) оказалась одной из самых значительных, поступивших в Третьяковскую галерею после революции.

В архиве Третьяковской галереи с великодушной помощью его сотрудников мне удалось найти весьма примечательный документ. Это был шероховатый неровный лист бумаги, представлявший собой не что иное, как сделанный в 1919 году список картин, которые были в особняке Харитоненко. Их сняли со стен только в 1925 году.

Это было подлинно волнующее открытие. Сотрудник архива, который помогал мне разбирать беглый карандашный почерк комиссара, производившего конфискацию, только восклицал в удивлении: этот список включал широко известные картины классиков русской школы. Вот имена: Поленов, Серов, Репин, Суриков и, конечно, Нестеров. Более стар работ.

Ведь подумать только: знаменитая «Неизвестная» Крамского начала свою жизнь в коллекции Харитоненко! В коллекцию Веры Андреевны и Павла Ивановича входило также прекрас-

ное собрание западноевропейской живописи начала и середины XIX века, включая полотна барбизонской школы, — они находятся ныне в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Павел Иванович был первым председателем Общества друзей Румянцевского музея, своим опытом, знаниями, помогал приобретать новые картины. Несомненно, он и Вера Андреевна были коллекционерами с высоким вкусом и верной интуицией. Они не жалели денег на приобретения, и многие художники становились их друзьями. Доподлинно известно, что великий Матисс во время своего визита в Москву в 1911 году, посетив своего друга Сергея Щукина, встретился также и с Харитоненко в его доме за завтраком, осматривал коллекцию икон и любовался видом на Кремль из окон особняка.

Харитоненко не ограничивали себя искусством изобразительным и в немалой степени увлекались музыкой. Я узнала, что Павел Иванович состоял директором Русского музыкального общества. В доме часто проводились концерты, пел Шаляпин.

Но я хотела увидеть также Наталиевку, усадьбу Харитоненко, так живо описанную в Париже Верой Петровной. И вот, еще до того, как Украина стала независимой, я отправилась в Харьков и Сумы. Вряд ли что-то могло сохраниться там в прежнем виде, вероятно, и прошлое вычеркнуто из памяти людей, думалось мне. Но было интересно — так ли это?

Целый день я бродила по Харькову, не зная, с чего начать. В городской библиотеке, к счастью, встретилась мне знающая сотрудница, и,

стоило мне упомянуть о семье Харитоненко, она направила меня на верный путь. Конечно же, в местном Управлении по охране памятников знали об усадьбе, и надо было так случиться, что я тут же познакомилась с группой энтузиастов, только что вернувшихся из Наталиевки. Это были Владимир Новгородов, Лена Мигулько, Василий Кортунов. Они были удивлены встречей со мной и пришли в восторг, узнав, что внучка Харитоненко здравствует и проживает в Париже.

На следующий день мы выехали в Наталиевку, рас-

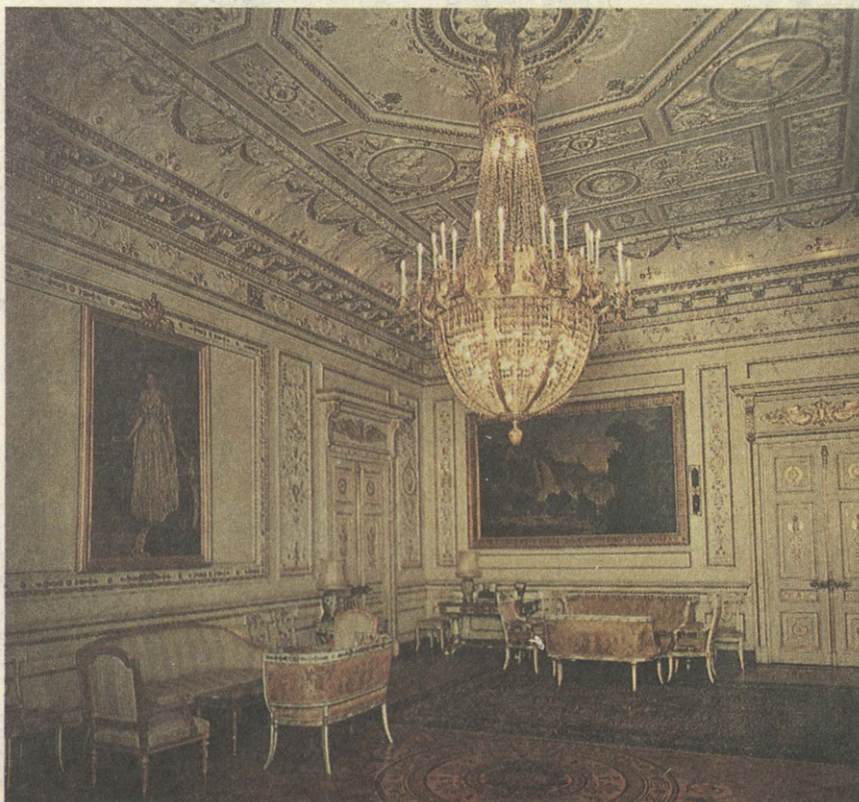
положенную по дороге в Сумы. Усадебный дом был разрушен в войну, но церковь Спаса Нерукотворного,

шедевр Щусева, стояла в строительных лесах — реставрация. В Сумах мне довелось встретиться с редактором местной газеты Николаем Чупайем, краеведом Геннадием Петровым и другими лицами. Речь зашла о том, как бы восстановить в Сумах памятник Харитоненко, который благодарный город воздвиг в его честь в 1899 году. Впоследствии, в 1924 году, памятник был сброшен с постамента и место его заняла фигура Ле-

нина. Но теперь и Ленин снят, и постамент стоит пустой.

Мне показали все, что построил Харитоненко: детскую больницу, родильный дом, церковь Троицы с фресками Нестерова, здание школы, кадетский корпус, здание фабрики. Вера Андреевна и Павел Иванович и впрямь были благодетелями города — благотворителями, так мы теперь говорим. Рассказ об этих людях, не вошедший в книгу-альбом о посольстве Великобритании, мне и хотелось представить читателю.

Перевод с англ. М. Жаровой

Танцевальный зал